

УДК 903.666.37

В.И. Молодин, Л.Н. Мыльникова, Л.С. Кобелева

Институт археологии и этнографии СО РАН
 пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
 E-mail: liundmilamy@mail.ru

ЭТАПЫ ЗАСЕЛЕНИЯ ГОРОДИЩА ЧИЧА-1 (по результатам анализа керамического комплекса)*

Статья обобщает результаты исследований стратиграфического распределения керамических комплексов в отложениях самого раннего сооружения на городище Чича-1 – рва А. Она базируется на материалах раскопов 8 и 16. Представлено несколько типов керамики, связанных с носителями гончарных традиций разных культур. На основе анализа выделенных типов керамики предложены схема движения населения в Барабинскую лесостепь в переходное время от бронзового к железному веку, а также схема поэтапного заселения городища Чича-1.

Введение

Широкомасштабные археологические исследования, проведенные российско-германской экспедицией на городище Чича-1 (Здвинский р-он Новосибирской обл.) на юге Западно-Сибирской равнины (рис. 1), предоставили в распоряжение специалистов большой массив источников, многоплановое изучение которых ведется в настоящее время. Получены уже и определенные результаты, позволяющие осветить ряд важных культурно-исторических и этнических проблем [Молодин, Парцингер, 2006].

Одна из главных задач, стоящих перед исследователями, – разработка внутренней хронологии памятника. Попытка решить ее была предпринята на основе планиграфического анализа этапов застройки городища [Молодин и др., 2004, с. 262–266], однако она не помогла установить периодичность появления на поселении носителей различных этнокультурных традиций, фиксируемых по специфике изделий

из глины. Планиграфической оценки залегания различных керамических комплексов, которая уже была дана [Молодин и др., 2003; Молодин, Мыльникова, 2004], для этого явно недостаточно. Возможность решения задачи связана с анализом стратиграфических наблюдений, полученных при изучении наиболее древнего на городище рва, использовавшегося древним населением для захоронения в нем отходов хозяйственной деятельности, в т.ч. керамики. Исследование стратиграфической ситуации залегания керамики позволяет разработать шкалу относительной хронологии различных культурных новаций, отмеченных на памятнике.

Сравнительно небольшая выборка, которой мы оперируем, хотя и накладывает определенные ограничения на наши суждения, но позволяет достаточно четко проследить закономерности.

Обсуждение результатов

Анализ наглядно показал вариабельность керамического комплекса городища Чича-1. Были выделены традиции составления формовочных масс, в ходе изучения целых форм и крупных фрагментов керамики опреде-

*Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН, проект «Лесостепное Обь-Иртышье: взаимодействие пришлых и аборигенных культур бронзового века – средневековья».

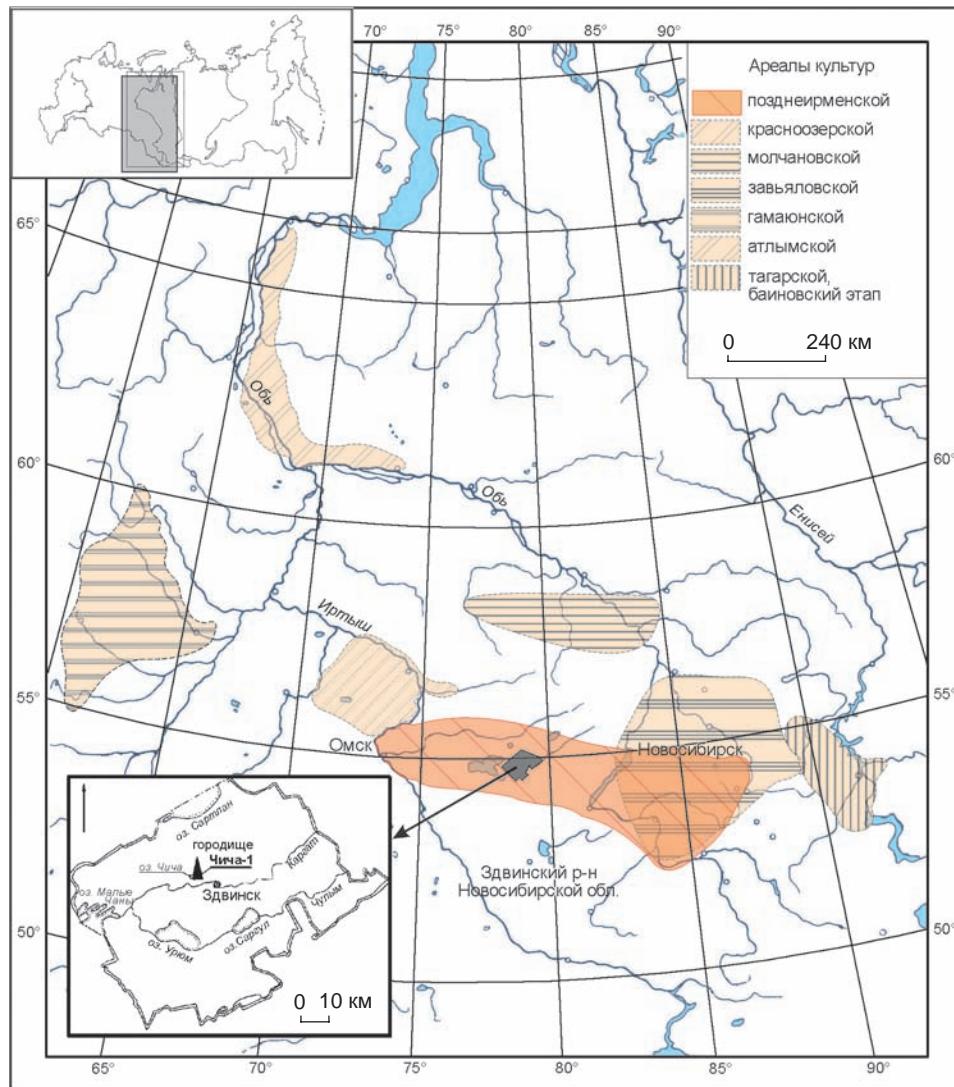

Рис. 1. Месторасположение памятника Чика-1.

лены ее основные морфологические типы [Молодин и др., 2004, с. 266–275]. Визуальный осмотр коллекции показывает наличие плоскодонных и круглодонных форм при преобладании первых. Корреляция морфологических типов с орнаментальными схемами позволяет выделить в рассматриваемой коллекции несколько групп керамики [Молодин, Парцингер, Гаркуша, Шнеевайс, Гришин, Новикова, Ефремова, Чемякина и др., 2001, с. 145–154, рис. 41–58; Молодин, Мыльникова, 2003, с. 147–151; Молодин и др., 2004, с. 266–275, рис. 49–54, табл. 1–12; Молодин и др., 2003].

Напомним, что к первому типу классификации комплекса позднеирменской посуды были отнесены небольшие сосуды с профилированной горловиной и «воротничком». Шейка, как правило, украшена рядом «жемчужин», иногда валиком или «кантелюрами». Горловина орнаментирована штрихованными треугольниками или ромбами, крупной сеткой, или на-

сечками. Эта керамика близка, а порой тождественна, ирменской. Она встречается на всех, без исключения, известных сегодня позднеирменских памятниках [Молодин, Колонцов, 1984, с. 70–71; Молодин, 1985].

Позднеирменская керамика второго типа представлена крупными профилированными плоскодонными горшками с резко утолщенной шейкой, прямым или загнутым вовнутрь венчиком. Характерно наличие на горловине двойного ряда «жемчужин», разделенных рядами насечек. Доминируют крупная сетка, «елочка», штрихованные наклонные «лесенки», длинные горизонтальные линии. Этот тип посуды является ведущим в позднеирменском керамическом комплексе [Молодин, Колонцов, 1984, с. 72–75].

Третий тип керамики включает преимущественно круглодонные, шаровидной формы горшки, резко профилированные, с низкой горловиной. Орнамент покрывает в основном горловину и плечики сосудов.

Рис. 2. Магнитограмма городища Чича-1. Контуры раскопов 1979, 2000–2003 гг.

Это чаще всего «елочный» узор, ряды вертикальных насечек, каплевидных вдавлений, штрихованных треугольников. Нередко орнаментировалась шейка: рядами «жемчужин», разделенных вертикальными насечками (типичное оформление для позднеирменской посуды второго типа), или валиком. Еще одна особенность сосудов данного типа – лощеная наружная поверхность [Там же, с. 75–77; Молодин, 1985].

Дробная классификационная схема позднеирменской керамики (с учетом четвертого и пятого типов, выделенных в комплексе поселения Туруновка-4 [Молодин, Колонцов, с. 75–77]) отражает развитие гончарства на новой стадии существования культуры и зарождение в ее недрах новейших, раннесаргатских элементов (последнее было подмечено еще Н.В. Полосьмак [1982]), а также широкий спектр хозяйственного и ритуального применения посуды (хранение и приготовление пищи, плавка металла, участие в погребальном обряде и т.д.).

Для определения внутренней хронологии комплекса Чича-1, а также момента проникновения в среду аборигенного населения носителей культур, синхронных с позднеирменской, проведен анализ послойного распределения керамики в раннем сооружении городища (ров А). Ров А изучался в раскопах 8 и 16 (рис. 2); их характеристику см., напр.: [Молодин, Парцингер, Гаркуша, Шнеевайс, Гришин, Новикова, Ефремова, Марченко и др., 2001, с. 316–322; Молодин и др., 2004, с. 17–50].

В раскопе 8 (кв. I-N/53) высота стен рва в разных местах в зависимости от уровня поверхности не одинакова: восточная стенка – 1,45 м, западная – 0,45 м. Дно рва ровное; здесь исследованы четыре ямы, две из них полностью. Заполнение рва А в данном раскопе представляло собой зольник. Культурные слои различаются по физическим свойствам грунта, цветности, характеру залегания и составу находок.

Для анализа керамического материала, обнаруженного в данном раскопе (табл. 1), были отобраны фрагменты, отражающие культурную принадлежность комплекса, а следовательно, и всего культурного слоя. По орнаментации выделены группы с ирменскими, позднеирменскими, красноозерскими, атлымскими мотивами, керамика барабинского варианта сузун-

Таблица 1. Распределение керамического материала по слоям во рву А в раскопе 8, шт.

№ слоя	Всего находок	В том числе		
		венчи-ки	орнаментиро-ванные фрагменты	придонные части, фрагменты дна
1 (дерн)	561	65	28	2
2	546	58	195	21
4	26	2	1	–
5	661	77	177	30
6	80	7	10	2
7	82	4	9	1
8	140	29	41	14
9	17	3	5	–
10	137	23	64	8
11	176	18	39	13
13	46	1	2	2
14	23	–	6	1
15	183	22	28	13
16	1	–	–	–
17	–	–	–	–
18	74	6	2	–
19	44	3	11	2
20	–	–	–	–
<i>Всего</i>	<i>2 797</i>	<i>318</i>	<i>618</i>	<i>109</i>

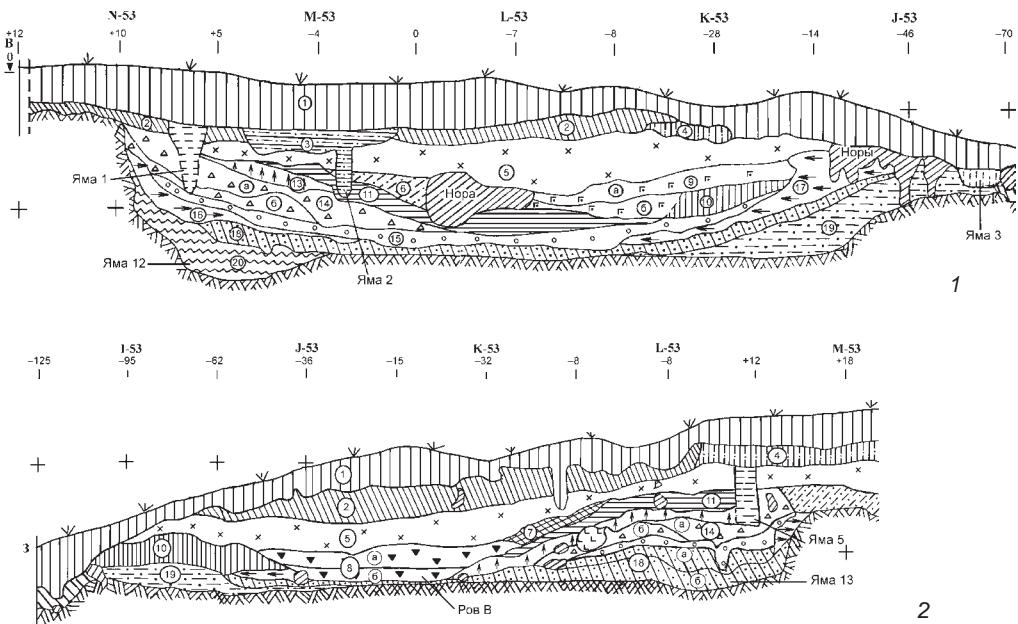

Рис. 3. Южный (1) и северный (2) профили раскопа 8, Чича-1.

ской культуры, саргатского облика, а также керамика берликского типа*, доминирование которой отмечено на территории, примыкающей к «цитадели» [Молодин и др., 2004, с. 275].

Характеристика слоев (рис. 3, 4) и их керамического содержания (начиная с наиболее древнего, нижнего) следующая:

слой 20 – плотная серая супесь с желто-серыми пятнами и темно-коричневыми прослойками – является также заполнением ямы 12. Не содержал керамического материала;

слой 19 – плотная суглинистая желто-серая почва с мелкими серыми прослойками. Содержал 44 фрагмента керамики, из них три венчика и 11 орнаментированных стенок. Несмотря на фрагментированность и малочисленность данного комплекса, можно говорить о принадлежности слоя к ирменской культуре (рис. 5);

слой 18 – плотная мешаная супесь. Зафиксирован на всей площади рва А, на его дне. Обнаружены 74 фрагмента керамики (большая часть – без орнамента), шесть венчиков и две орнаментированные стенки (рис. 6). Несмотря на незначительность диагностирующей части комплекса, можно констатировать его принадлежность к ирменской культуре. Материал идентичен керамике из слоя 19. Очевидно, что оба этих слоя формировались во рву синхронно;

Рис. 4. Стратиграфический разрез отложений по линии М-Н/53 в раскопе 8, Чича-1.

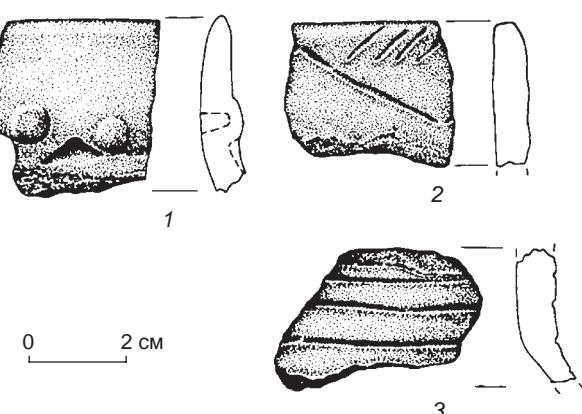

Рис. 5. Керамика из слоя 19 в раскопе 8, Чича-1.

*В первых публикациях этот тип керамики обозначался как «неатрибутированная в культурном отношении группа». В настоящее время одним из авторов данной работы для него предложен термин, связанный с эпонимом памятника, – «берликский» [Молодин, 2008].

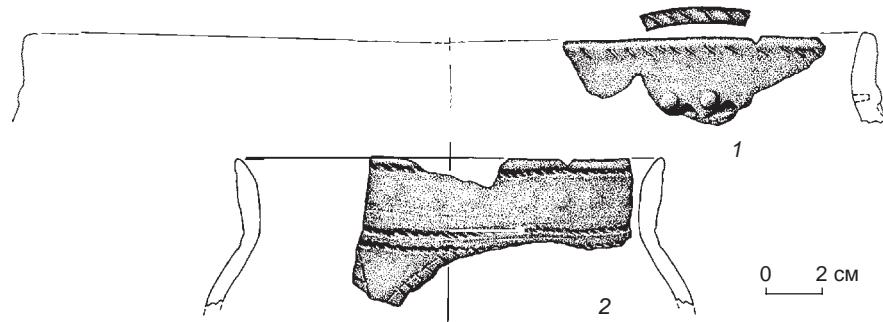

Рис. 6. Керамика из слоя 18 в раскопе 8, Чича-1.

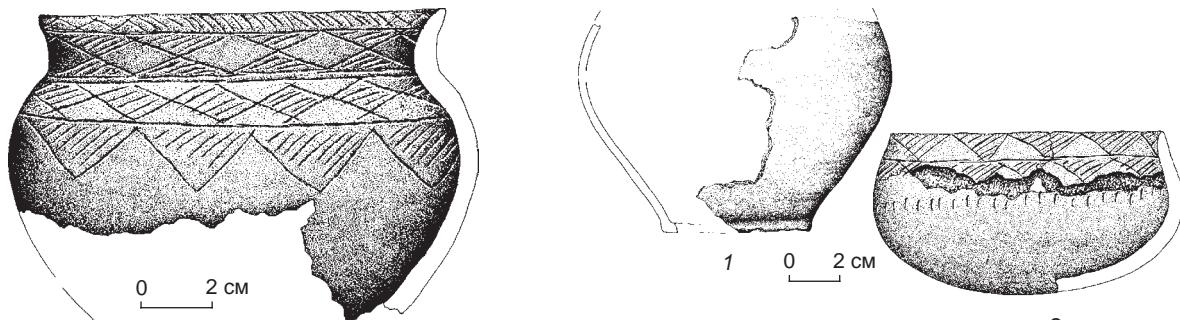

Рис. 7. Керамика из слоя 15 в раскопе 8, Чича-1.

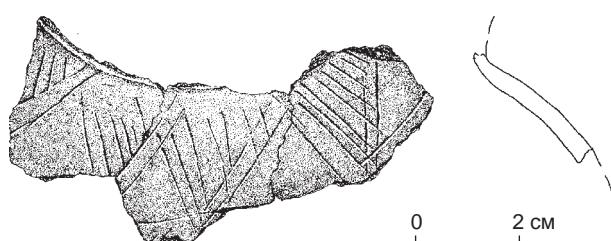

Рис. 8. Керамика из слоя 13 в раскопе 8, Чича-1.

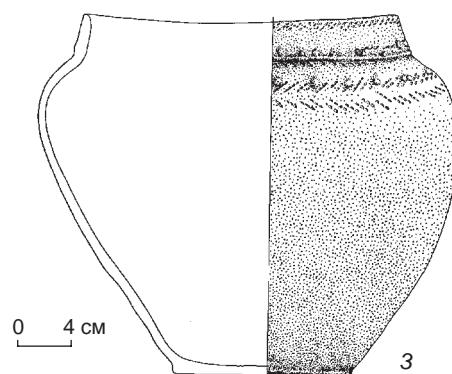

Рис. 9. Керамика из слоя 11 в раскопе 8, Чича-1.

слой 17 – плотная суглинистая почва желтого цвета со светло-серыми пятнами. Зафиксирован небольшой фрагмент венчика без орнамента;

слой 16 – серо-коричневая супесь. Находки отсутствуют;

слой 15 – темно-серо-коричневая гумусированная супесь. Среди массового материала имеются, в частности, 183 фрагмента керамики. Диагностирующие фрагменты посуды свидетельствуют о принадлежности слоя к ирменской культуре (рис. 7);

слой 14 – сильно перемешанная супесь. Найдены 23 фрагмента керамики с ирменской орнаментацией, что позволяет отнести слой к ирменской культуре;

слой 13 – серая супесь с небольшим количеством мелких желтых пятен. Из 46 фрагментов, обнаруженных в слое, три орнаментированных, представляю-

щих ирменскую орнаментальную традицию (рис. 8). Важно, что они являются частью крупного плоскодонного кувшинообразного сосуда, которые часто встречаются на классических ирменских поселениях (см., напр.: [Матвеев, 1993, табл. 12, с. 166; табл. 15, с. 169; табл. 18, с. 172; табл. 24, с. 178]).

Таким образом, культурные слои 19, 18, 15, 14 и 13 содержат исключительно ирменскую посуду. Это позволяет предположить, что площадка, оконтуренная рвом А, принадлежит ирменской культуре эпохи поздней бронзы. С этой площадки при ее функционировании заполняли нижнюю часть рва;

слой 12 – плотная однородная желтая супесь (переотложенный материк). Находки отсутствуют;

слой 11 – золистая супесь. Содержал 176 фрагментов керамики (18 венчиков и 39 орнаментирован-

ных стенок). Слой включал позднеирменские сосуды первого (рис. 9, 3) и второго (рис. 9, 1, 2) типов (по классификации В.И. Молодина и С.В. Колонцова). Доминирование посуды первого типа свидетельствует об эволюции ирменской культуры в позднеирменскую. Слой 11 можно уверенно отнести к переходному этапу от бронзового к железному веку, поэтому керамику ирменского типа здесь следует считать составляющей позднеирменского комплекса первого типа;

слой 10 – бурая рыхлая супесь с мелкими желтыми прослойками. Содержал 237 фрагментов (23 венчика, 64 орнаментированные стенки). Большую часть керамического комплекса составляют позднеирменские сосуды, среди них по-прежнему господствуют образцы первого (автохтонного) ирменского типа (рис. 10, 3, 4). Представлена позднеирменская посуда второго типа, для которой характерен срез венчика с внешней стороны (рис. 10, 6). Обнаружен также развал позднеирменского сосуда третьего типа (рис. 10, 2). Именно в слое 10 впервые фиксируются элементы инокультурных новаций в виде посуды сузгунского типа, точнее – барабинского варианта сузгунской культуры [Молодин, Чемякина, 1984], с синкретичной ирменско-сузгунской орнаментикой (рис. 10, 8). Ее доля составляет 33 %, что в сравнении с позднеирменской выглядит довольно внушительно (рис. 11, 1). В слое 10 зафиксирован также фрагмент раннесаргатского облика (рис. 10, 9). Таким образом, очевидно, что появление на данной территории мигрантов – носителей барабинского варианта сузгунской культуры – из предтаежной зоны Западной Сибири следует связывать с переходным от бронзы к железу временем, а учитывая преобладание в слое 10 позднеирменской посуды первого типа, – вероятно, с самой начальной стадией этого периода. Вышележащие слои 9 и 8 отражают тенденцию, отмеченную для слоя 10;

слой 9 – очень плотная супесь с белесыми вкраплениями. Содержал всего 17 фрагментов керамики позднеирменского типа;

слой 8 (не представлен в данном разрезе) – плотная серая супесь. Основной массив находок приурочен к его верхней толще, на границе со слоем 5. Обнаружены 140 фрагментов (29 венчиков, 41 орнаментированная стенка, 14 донышек), относя-

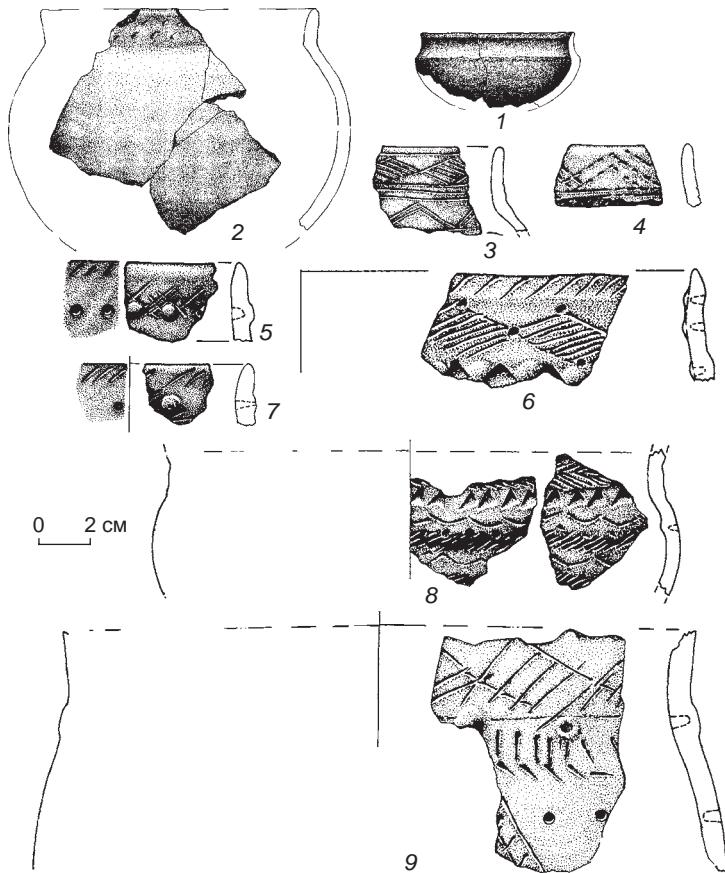

Рис. 10. Керамика из слоя 10 раскопа 8 рва А ирменской (1, 3, 4), позднеирменской (2, 5–7), барабинского варианта сузгунской (8) культур, фрагмент раннесаргатского облика (9).

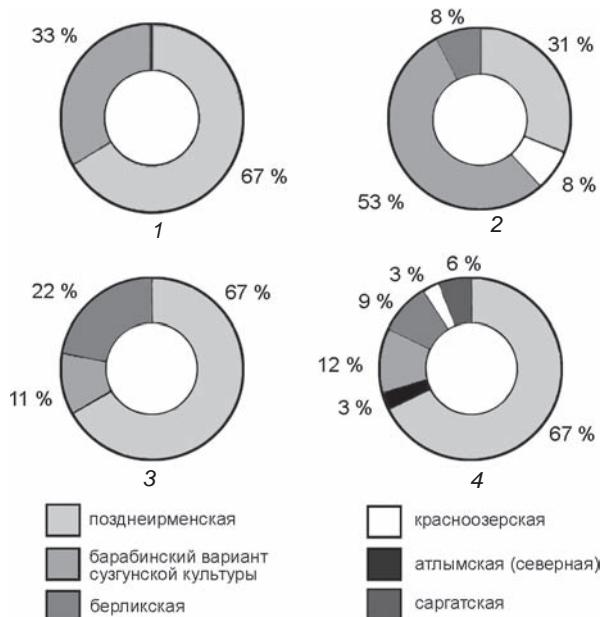

Рис. 11. Распределение керамических материалов культурных групп по слоям отложений во рву А в раскопе 8, Чича-1.
1 – слой 10; 2 – слой 5; 3 – слой 4; 4 – слой 2.

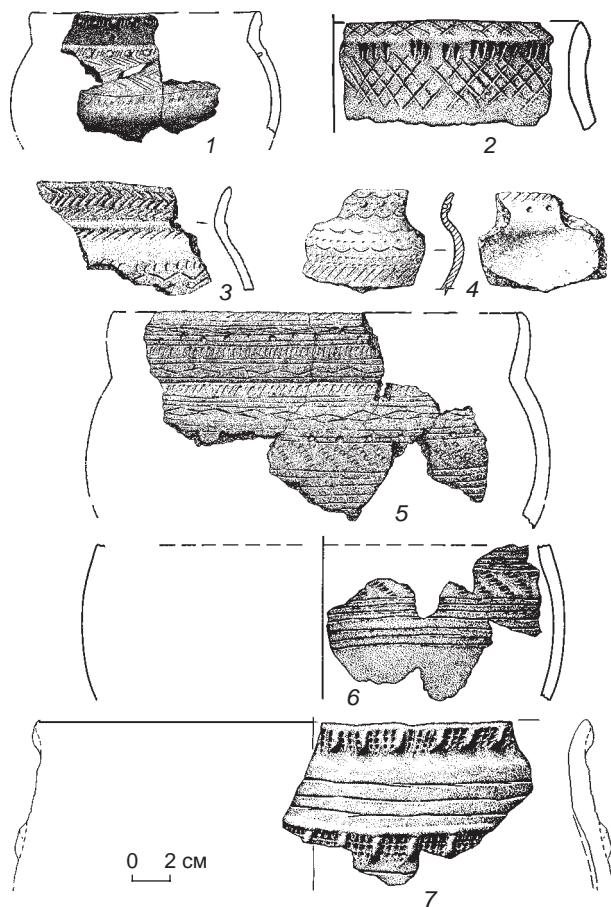

Рис. 12. Керамика позднеирменской (1, 2), барабинского варианта сузунской (3, 4), красноозерской (5, 6) культур и берликской группы (7).

шихся к позднеирменской культуре и барабинскому варианту сузунской культуры;

слой 7 – рыхлая, сильно перемешанная супесь с сажистыми, серыми и желтыми пятнами и красно-коричневыми участками прокаленной почвы на рис. 3 не представлен. Его керамический материал (82 фрагмента) по орнаментации относится к позднеирменской группе и барабинскому варианту сузунской культуры;

слой 6 – плотная светло-серая супесь с мелкими желтыми материковыми включениями. Содержал 80 фрагментов керамики, в т.ч. семь венчиков и восемь стенок позднеирменских сосудов и два фрагмента стенок от сосудов барабинского варианта сузунской культуры;

слой 5 – суглинистая серо-коричневая почва – распространялся по всей площади рва. В нем было сосредоточено наибольшее количество фрагментов керамики – 661 шт. (из них 77 венчиков, 177 орнаментированных стенок, 30 придонных частей и донышек). По орнаментальным композициям керамика

относится к позднеирменской первого – третьего типов (рис. 12, 1, 2), барабинскому варианту сузунской (рис. 12, 3, 4), красноозерской (рис. 12, 5, 6) группам. Объекты 5 и 6, зафиксированные в этом слое, представлены фрагментами разных позднеирменских сосудов и небольшим фрагментом керамики сузунской группы (рис. 12, 4). Скопление 2 включало компактно локализованные крупные фрагменты одного позднеирменского сосуда.

Для слоя 5 характерны три ранее не проявлявшиеся особенности: первая – увеличение доли посуды барабинского варианта сузунской культуры; вторая – появление новой посуды, аналогичной красноозерской [Абрамова, Стефанов, 1985]. Наиболее близким к Чиче-1 памятником с такой керамикой является поселение Корчуган на средней Таре. Вероятно, именно отсюда, с севера, могли двигаться два потока – носителей сузунской и красноозерской культур. Поскольку суммарная составляющая керамики этих типов на Чиче-1 не так уж велика, можно предположить, что выявленные в слое 5 рва А материалы представляют какой-то эпизод в истории поселения и не являются отражением общей для памятника тенденции; третья – фиксируемый в слое 5 берликский комплекс керамики (см. рис. 11, 2; 12, 7), ближайшие аналоги которому имеются в материалах могильников Северного Казахстана [Хабдулина, 1986, 1994]. Появление этой посуды связано с активным освоением мигрантами с запада и юго-запада примыкающей к «цитадели» наибольшей части городища (см. рис. 2). Следы существования пришлого и аборигенного, проживавшего на территории «цитадели», населения неоднократно фиксировались при исследовании жилищных комплексов [Молодин, 1985; Членова, 1997]. Таким образом, слой 5 запечатлел сложный культурный конгломерат, сформировавшийся на Чиче-1;

слой 4 – плотная однородная красно-коричневая супесь, локализованная в виде двух аморфных линз в кв. L/53 и M/53 (см. рис. 3). Содержал 26 фрагментов керамики (в т.ч. два венчика и одна орнаментированная стенка), по орнаментальным признакам соотносимых с керамикой позднеирменской, барабинского варианта сузунской культуры и берликской группы (см. рис. 11, 3);

слой 3 – однородная, мягкая темно-серая супесь – заполнение жилища 14 эпохи раннего железа. В плане имел неправильную форму и перерезал нижележащий слой 2. К слою приурочены ямы 1, 2. Мощность слоя 0,3–0,22 м. В заполнении жилища найдены 290 фрагментов керамики, большая часть которых относится к саргатской культуре;

слой 2 – плотная светло-серая супесь, иногда с материковыми включениями. Распространялся по всей площади зольника, фактически перекрывая ров. В кв. N/53 он лежал практически на материке, что

позволяет говорить о том, что это культурный слой, формировавшийся на площади рва А. В слое найдены 546 фрагментов керамики (в т.ч. 58 венчиков, 195 орнаментированных стенок и 21 фрагмент дна или придонной части). Слой 2 отличается наибольшим разнообразием керамического материала (см. рис. 11, 4). Доминирует позднеирменская посуда первого – третьего типов (рис. 13, 1–3, 5); она составляет 67 % от числа единиц в комплексе. Керамика других культурных типов, о которых речь шла выше, значительно уступает позднеирменской: посуда барбинского варианта сузунской культуры составляет 12 %, берликского комплекса – 9 %, посуда красноозерской культуры – 3 %. Новая черта – посуда, аналоги которой имеются в материалах аттымской культуры таежной зоны Западной Сибири [Косарев, 1974; Глушкин, Захожая, 2000]. В слое 2 отмечен довольно большой удельный вес керамики саргатской культуры из более позднего поселения, фиксируемого на памятнике. В этом же слое обнаружены объекты 3 и 4 – развалы сосудов с чертами керамики раннего железного века, которые по совокупности признаков отнесены к переходному от бронзы к железу времени;

слой 1 – дерново-гумусный. В заполнении среди массового материала зафиксирован 561 фрагмент керамики, в т.ч. 65 венчиков. Керамика преимущественно позднеирменского облика; встречены также фрагменты всех выделенных орнаментальных групп.

Таким образом, все нижние слои рва А содержали автохтонную керамику, относящуюся к ирменской культуре. Начиная со слоя 11 в отложениях фиксируется позднеирменский керамический комплекс. В слое 10 наряду с позднеирменской посудой представлена керамика северо-западного облика (сузунская), а со слоя 5 – красноозерская. В слое 5 рва А впервые отмечен и берликский комплекс керамики. Он связан с выходцами с юго-западных от Барабы территорий; эти мигранты обосновались и проживали на поселении совместно с аборигенами (позднеирменцами) до конца его функционирования.

В рамках раскопа 16 в центральной части городища исследован 8-метровый участок рва А (см. рис. 2). Результатом изучения культурных отложений здесь стало выявление более 60 слоев, описание которых опубликовано [Молодин и др., 2004, с. 17–33]. В настоящей работе дается характеристика разреза (рис. 14), включающего культурные слои саргатских сооружений За и 19, комплекса переходного времени 21 и нижнего слоя рва А.

Очевидно, что ров А заполнялся при строительстве и эксплуатации сооружений позднеирменской культуры. Нижняя часть рва сохранилась практически полностью; ее составляет слой 62 из последовательно расположенных линз серой супеси с включением крупных черных супесчаных комков. Слой

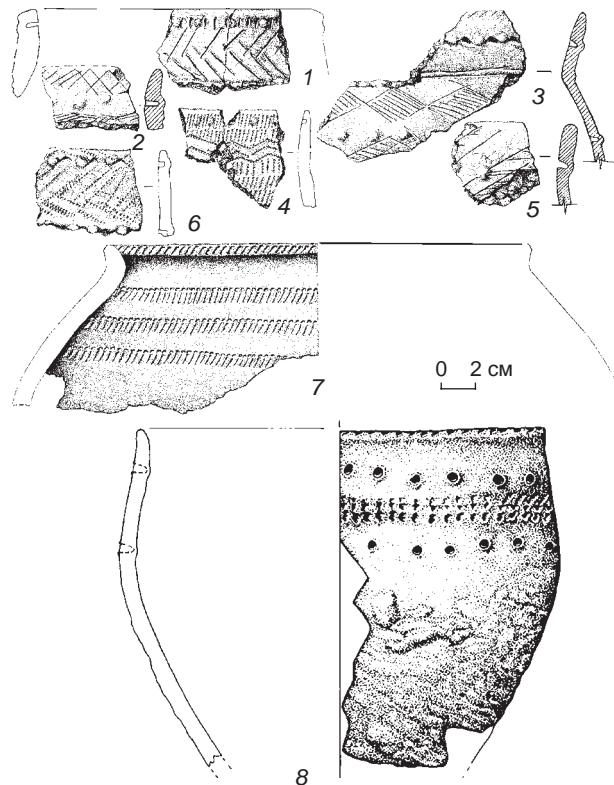

Рис. 13. Керамика позднеирменской (1–3, 5), аттымской (4, 6), красноозерской (7) культур и берликской группы (8).

находился непосредственно на материке и отделялся от него размытой серо-желтой границей. Он содержал большое количество бытовых отходов, в т.ч. керамику. У западной стены рва зачищен объект 25, который состоял из крупных фрагментов придонной части и орнаментированной стенки сосуда (рис. 15). На материке *in situ* был обнаружен и объект 26, включающий фрагменты пяти сосудов с крупными участками придонных частей (рис. 16). Рядом находился маленький керамический сосуд ирменской культуры (объект 29) (рис. 17).

На дне рва А отмечены две большие ямы (101, 102), которые были вырыты одновременно со рвом. Они разной глубины, располагались симметрично у стен рва (табл. 2). Объект 26, очевидно, следует связывать с ямой 101.

В пределах раскопа изучена южная часть котлована жилища 21. Зафиксирована следующая стратиграфическая ситуация:

слой 42 (раскопочные слои 28, 43) – очень плотная серая супесь с белесыми включениями. Мощность слоя 0,3 м;

слой 56 (раскопочные слои 23, 40) – плотная коричневая супесь с темными и светлыми вкраплениями. Мощность слоя 0,05–0,2 м;

Рис. 14. Стратиграфический разрез по линии J-P/44–45 (брюкка восток – запад) в раскопе 16, Чича-1.

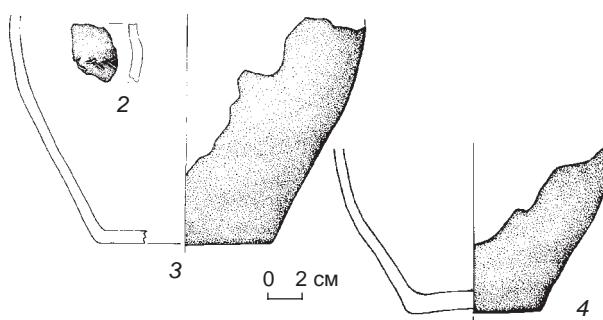
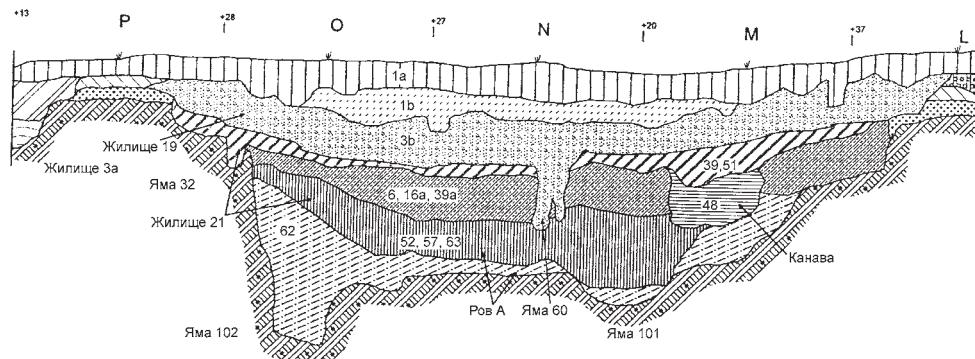

Рис. 15. Объект 25 из слоя 62 в раскопе 16, Чича-1.

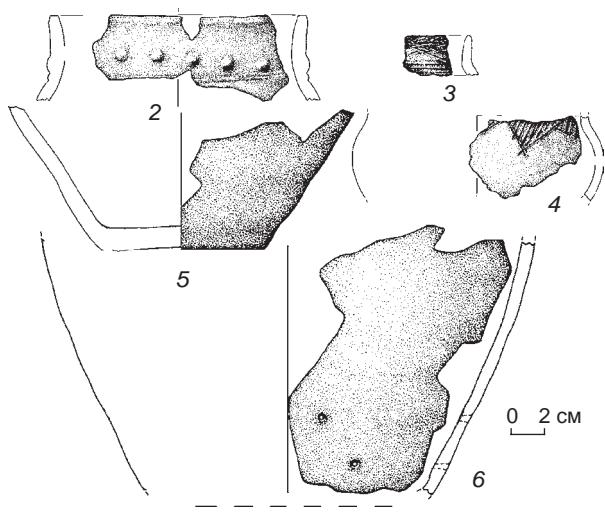

Рис. 16. Объект 26 из слоя 62 в раскопе 16, Чича-1.

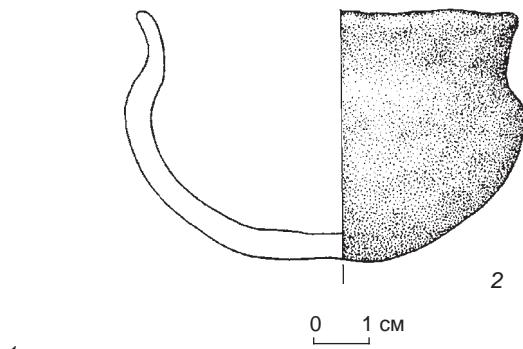

Рис. 17. Объект 29 из слоя 62 в раскопе 16, Чича-1.

Таблица 2. Характеристика ям во рву А в раскопе 16 Чичи-1

№ ямы	Квадрат	Размеры, м			Заполнение	Фрагменты венчиков, шт.
		Длина	Ширина	Глубина		
101	M-N/45	1,8	1,18	0,32	Плотная светло-серая супесь	7, ирменского типа
102	O/45	?	0,84	0,56	Плотная серо-желтая супесь, крупные черные включения	1 » »

слой 26 – плотная темно-серая супесь с кальцинированными включениями. Слой перерезан хозяйственными ямами саргатского времени. Среди массового материала из сооружения 21 отмечены 888 фрагментов керамики, в т.ч. 110 венчиков (рис. 18, табл. 3). Представлены ирменские и позднеирменские сосуды, посуда красноозерской и барабинского варианта сузгунской культуры;

слой 48 (раскопочные слои 47, 52, 53, 58) – серо-коричневатая мешаная супесь – заполнение канавообразного сооружения, которое перерезало жилище 21. Найдены 92 фрагмента керамики, в т.ч. 16 венчиков (табл. 3). Жилище 19 саргатской культуры исследовано частично. Его котлован впущен в слои позднеирменского культурного горизонта (жилище 21, ров А);

слой 3в (основной слой заполнения котлована) – однородная гумусированная серо-коричневая супесь, более светлая и плотная, чем в вышележащем слое 1в. Мощность слоя – до 0,45 м. Вдоль восточной стены отмечены тонкие прослойки черной супеси, повторяющие наклон стен котлована;

слой 1в – однородная гумусированная, рыхлая, темная серо-коричневая супесь, которая залегала над центральной частью котлована под дерновым слоем. Мощность слоя достигала

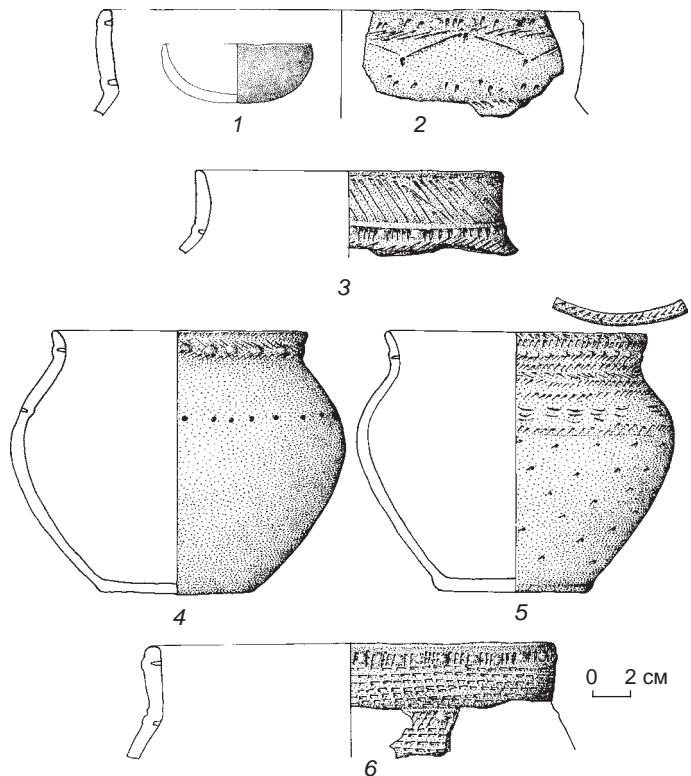

Рис. 18. Керамика позднеирменской (1–4), барабинского варианта сузгунской (5) и красноозерской (6) культур из жилища 21 раскопа 16, Чича-1.

Таблица 3. Распределение керамического материала по сооружениям и слоям в раскопе 16 Чичи-1, шт.

Место залегания	Всего находок	В том числе венчики
Ров А	692	106
Жилище 21	888	110
Канавообразное сооружение	92	16
Жилище 19	1 926	326
Слой 1	758	78

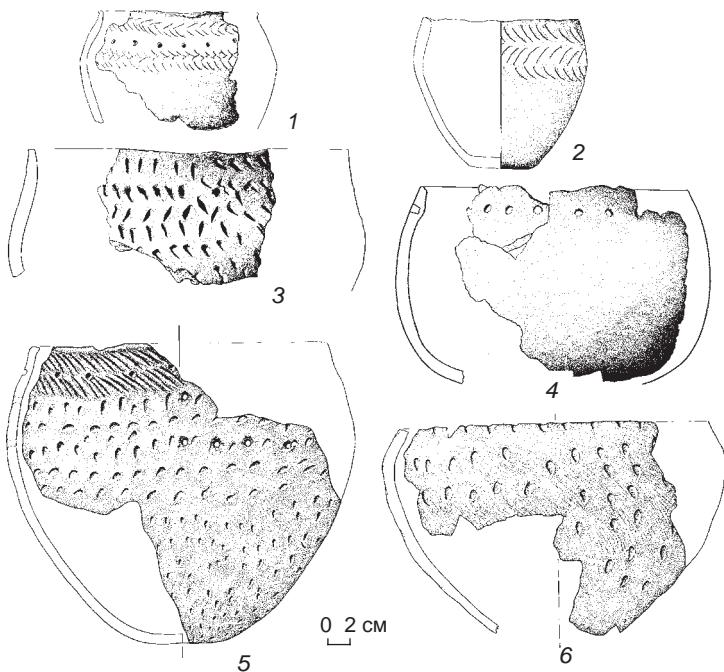

Рис. 19. Керамика из жилища 19 раскопа 16, Чича-1.

0,3 м. У западной стены котлована обнаружен объект 4, представлявший собой скопление фрагментов саргатского сосуда.

Среди массового материала в слоях жилища 19 зафиксированы 1 926 фрагментов керамики, в т.ч. 326 венчиков (рис. 19, табл. 3). В слоях саргатской культуры практически повсеместно встречены фрагменты сосудов переходного времени, что обусловлено интенсивным разрушением ранних слоев в ходе строительства и хозяйственной деятельности уже в эпоху раннего железа.

Слой 1 – фактически дерновый и почвенный, образовавшийся после окончания функционирования городища и разрушения построек. Это однородная темно-серая супесь. Слой в западной части участка разрушен грунтовой дорогой. Мощность слоя достигала 0,25 м. В нем найдены 758 фрагментов керамики, в т.ч. 72 венчика, различных периодов существования городища.

Заключение

Основываясь на анализе керамического комплекса из нижнего слоя и ям рва А, можно сделать вывод, что самая древняя часть коллекции представлена керамикой ирменской культуры эпохи поздней бронзы. Именно с этим временем следует связывать появление памятника. Ирменские гончары изготавливали сосуды ленточным налепом путем соединения лент (ширина в зависимости от размера сосуда варьирует от 2 до 5–7 см) встык или с небольшим нахлестом друг на друга. Для подавляющего большинства сосудов характерна аккуратность в обработке поверхности, для мелких форм – даже изящество. Первичная обработка включала применение твердых орудий в виде костяных или деревянных лопаток, оставляющих следы в виде нешироких, с неглубоким плоским ложем полос, группированных односторонними, параллельными рисунками, царапинами. Гладкая поверхность 80 % изделий – результат лощения по кожетвердой поверхности. Лощилом выступал инструмент с узкой рабочей площадкой, оставляющий неглубокие канавки.

В коллекции керамики ирменской культуры преобладают профилированные горшки с высокой прямой или слегка отогнутой горловиной и округлым срезом венчика. Орнаментальная схема традиционна и стандартна: на горловине ведущими элементами являются горизонтальные прочерченные линии, ряды «жемчужин» с разрядкой и без нее, штрихованные треугольники и ромбы. В орнаменте присутствуют ряды наклонных насечек, вдавлений, наклонной и горизонтальной гребенки, «елочка», сетка. На шейке в качестве разделительного пояса идут горизонтальные линии, ряды «жемчужин» с разрядкой, сформованный валик. Реже отмечены ряды ямок и насечки. Орнамент на плечиках состоит из штрихованных треугольников, горизонтальных линий; в единичных случаях присутствуют «елочка», «жемчужины» (см. рис. 5–8). Этот комплекс абсолютно аналогичен ирменскому Барабинской лесостепи [Матвеев, 1993; Молодин, 1985; Мыльникова, Чемякина, 2002, с. 26–33].

Позднеирменская посуда представлена тремя типами. Данный комплекс составляет основу коллекции из «цитадели». Он соответствует переходному периоду от бронзового к железному веку. Тулово формировалось ленточным налепом. Ленты соединялись друг с другом встык путем последовательного наращивания. Придание формы изделию происходи-

ло в процессе формовки. Поверхность сосуда обрабатывалась с обеих сторон при помощи: а) твердого орудия (щепа (?), деревянный нож), которое оставляло горизонтальные узкие длинные, сгруппированные риски; б) рук гончара (это один из самых широко применявшимся «инструментов») – на обеих поверхностях сосудов фиксируются отпечатки папиллярных линий, иногда хорошо видны следы расформовки лент; в) лощила. Лощение производилось либо по подсущенной поверхности, тогда эти следы изредка очень четкие, чаще – сглаженные, либо по поверхности, еще не достигшей кожетвердого состояния. В большинстве случаев лощению подвергались срез венчика и наружная поверхность.

Орнамент наносился на сосуд иногда до лощения: на некоторых образцах фиксируется «сдвинутость» уже нанесенного узора. На обеих поверхностях всегда отражен одинаковый прием лощения. В группе преобладают хорошо профилированные горшки с прямой или дугообразной горловиной (второй тип), а также керамика, присущая классической ирменской культуре (первый тип), и сосуды с короткой горловиной и туловом шаровидной формы (третий тип). Характерными элементами орнаментации сосудов являются двойные ряды «жемчужин» (с разрядкой и без нее) на горловине, шейке и плечиках, сетчатые пояса на горловине. При этом отмечается большое разнообразие других элементов (насечки, ряды вдавлений, ямок, «елочка», ряды гребенки), сочетающихся друг с другом. В целом схема орнаментации позднеирменских сосудов, по сравнению с ирменскими, выглядит несколько упрощенной.

Стратиграфическое изучение позволяет сделать вывод, что сначала на городище проживали только представители позднеирменской культуры, однако позже к ним присоединились носители барабинского варианта сузунской культуры [Молодин, Чемякина, 1984, с. 40–62]. Эта посуда имеет аналоги в материалах памятников переходного от бронзы к железу времени в предтаежном и таежном Прииртышье [Потемкина, Корочкина, Стефанов, 1995; Полеводов, 2003]. Основными ее морфологическими типами являются слабопрофилированные и профилированные сосуды с невысокой горловиной. Представлены также хорошо профилированные сосуды с высокой прямой или слегка отогнутой горловиной. Своеобразие керамике придает орнамент в виде скобы, семечковидных вдавлений и рядов ямок, разделяющих орнаментальное поле, характерный для всех орнаментальных зон (горловина, шейка, тулоно) (см., напр., рис. 10, 8; 11, 4).

На следующем этапе функционирования городища его население пополнилось носителями культур, которые не были представлены ранее. Керамический материал из слоя 5 может служить маркером, показывающим направление связей. К носителям традиций

сузунской культуры – выходцам из северо-западных регионов – присоединились представители красноозерской культуры. Кроме них, совершенно очевидно, городище посещали жители северно-таежной территории (атлымская культура).

Но самый мощный миграционный поток на рассматриваемую территорию в данный период двигался с запада и юго-запада, по-видимому, из северных лесостепных районов современного Казахстана (берликская группа). Как следует из анализа планиграфии памятника, это была крупная по своей численности популяция, которая объединилась с аборигенами – позднеирменцами, создав единую поселенческую структуру, вступила с ними в определенные хозяйствственные отношения и сохранила, тем не менее, свою этнокультурную специфику [Молодин, Парцингер, 2006, с. 49–55]. Судя по стратифицированному материалу, движение населения происходило приблизительно синхронно, благодаря чему городище Чича-1 стало настоящим культурно-хозяйственным центром (факторией).

Керамика красноозерской группы представлена на рассмотренном участке единичными фрагментами. Как и основная масса посуды того времени лесостепной зоны Западной Сибири, красноозерская керамика изготовлена техникой скульптурной лепки на основе жгута и ленты. Ее основными орнаментальными мотивами являются многорядные разомкнутые горизонтальные линии и парные ямки; причем на посуде Чичи-1 они часто украшают основное орнаментальное поле, а не играют роль разделителя орнаментальных зон, как на классических красноозерских сосудах.

Единичны также фрагменты керамики атлымской культуры. Ее особенность проявляется в составе формовочных масс: основная примесь – дробленые граниты и их составляющие – кварц, полевой шпат, роговая обманка, пластинки биотита. Орнамент нанесен мелкозубчатым гребенчатым штампом; в композиционном построении представлены ряды «елочки» в сочетании с «жемчужинами» (см. рис. 13, 4, 6).

Своеобразие всему комплексу посуды городища Чича-1 придает берликская группа керамики (см. рис. 12, 7; 13, 8). Это крупные сосуды с очень низкой профилированной горловиной. У 43 % изделий срез венчика орнаментирован. На горловине и шейке – ряды наклонных линий, выполненные гладким прямоугольным штампом, пояса из «жемчужин», ямок, редко – вдавлений. Плечики украшены одним-двумя рядами наклонных линий, нанесенных гладким прямоугольным штампом, ямок, «жемчужин», наклонных оттисков гребенки. При этом основная часть сосудов имеет «ошершавленную» поверхность.

Таким образом, анализ распределения керамического материала по культурным отложениям свидетель-

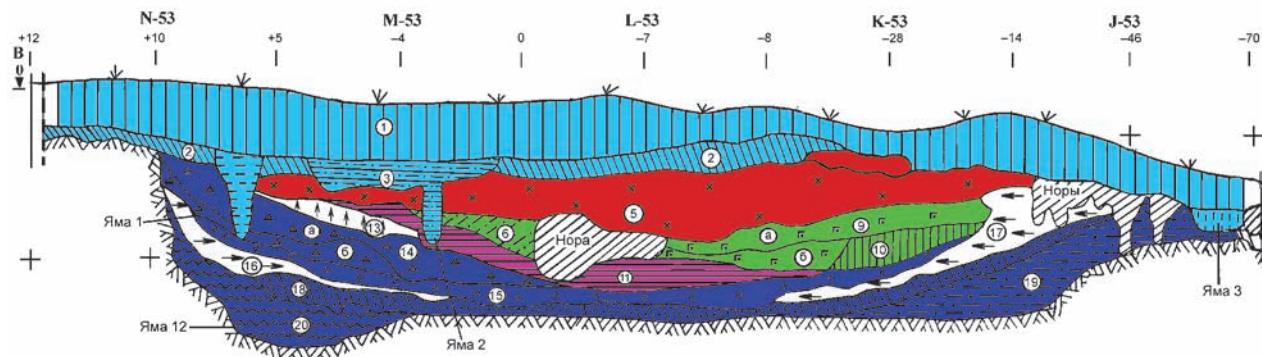

Рис. 20. Схема заполнения рва А в различные периоды существования городища Чича-1.

ствует о сосуществовании, начиная со слоя 5, отмеченных керамических традиций, а следовательно, и культивирующего их населения. Очевидно, что были две доминирующие традиции: автохтонная, позднеирменская, носители которой занимали т.н. цитадель, и принесенная мигрантами – берликская; ее носители активно осваивали территорию к востоку и северу от «цитадели».

Стратиграфическая ситуация позволяет также предположить появление, вероятно в рамках позднеирменской традиции (это было отмечено еще при изучении памятника Туруновка-4 (см.: [Молодин, Колонцов, 1984, с. 69–86])), керамики раннесаргатского облика. В заполнении рва А фрагмент сосуда с чертами раннесаргатского облика зафиксирован в слое 10 в раскопе 8 (см. рис. 10, 9). Еще один фрагмент этого же сосуда обнаружен в культурном слое в раскопе 13. Они имеют высокую слабофицированную горловину, орнаментированную треугольниками и рядами вдавлений, что характерно для оформления позднеирменской керамики. Однако орнаментальные схемы на раннесаргатской посуде отличаются упрощенностью: частота элементов орнамента небольшая; сами элементы иногда выходят за пределы орнаментального ряда и не совпадают на стыках. Поверхности изделий не подвергались лощению.

Керамику раннесаргатского облика мы связываем с позднеирменской традицией. Изделия собственно саргатской культуры раннего железного века планиграфически фиксируются на отдельных участках Чичи-1 (например, раскоп 16), но представители саргатской культуры появились на городище, когда оно было оставлено предшественниками и пришло в полное запустение. Это произошло не ранее VI, а возможно и в V в. до н.э. (Радиоуглеродные даты этих конструкций связывают данный культурный горизонт с рубежом эр.)

Таким образом, анализ стратиграфических материалов из рва А позволяет предложить схему освое-

ния памятника (рис. 20). Разумеется, схема прочих его участков может выглядеть несколько иначе, однако общие тенденции накопления отложений различных периодов заселения городища сохраняются.

Список литературы

- Абрамова М.Б., Стефанов В.И.** Красноозерская культура на Иртыше // Археологические исследования в районах новостроек Сибири. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 103–130.
- Глушков И.Г., Захожая Т.М.** Керамика эпохи поздней бронзы Нижнего Прииртышья. – Сургут: Ред.-издат. центр Сургут. гос. пед. ин-та, 2000. – 200 с.
- Косарев М.Ф.** Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. – М.: Наука, 1974. – 168 с.
- Матвеев А.В.** Ирменская культура в лесостепном Приобье. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 1993. – 182 с.
- Молодин В.И.** Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука, 1985. – 200 с.
- Молодин В.И.** Периодизация, хронология и культурная идентификация памятника Чича-1 (Барабинская лесостепь) // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции: Мат-лы XIV Западно-Сибирской археол.-этногр. конф. – Томск, 2008. – С. 155–163.
- Молодин В.И., Колонцов С.В.** Туруновка-4 – памятник переходного от бронзы к железу времени // Археология юга Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: Наука, 1984. – С. 69–86.
- Молодин В.И., Мыльникова Л.Н.** Бинокулярная микроскопия керамики городища Чича-1 // Социально-демографические процессы на территории Сибири (древность и средневековье). – Кемерово: Кемер. гос. ун-т, 2003. – С. 147–151.
- Молодин В.И., Мыльникова Л.Н.** Керамика городища Чича-1 как источник по истории переходного времени от бронзового к железному веку // История и культура Сибири в исследовательском и образовательном пространстве

(к юбилею проф. Е.И. Соловьевой): Мат-лы конф. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. пед. ун-та, 2004. – С. 101–106.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Парцингер Г., Шнеевайс Й. Керамика городища Чича-1 (технологические аспекты) // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2003. – Кн. 1. – С. 299–311.

Молодин В.И., Парцингер Г. Исследование памятника Чича в Барабинской лесостепи (итоги, перспективы, проблемы) // Современные проблемы археологии России. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. 1. – С. 49–55.

Молодин В.И., Парцингер Г., Гаркуша Ю.Н., Шнеевайс Й., Беккер Х., Фассбиндер Й., Чемякина М.А., Гришин А.Е., Новикова О.И., Ефремова Н.С., Манштейн А.К., Дядьков П.Г., Васильев С.К., Мыльникова Л.Н., Балков Е.В. Археолого-геофизические исследования городища переходного от бронзы к железу времени Чича-1 в Барабинской лесостепи. Первые результаты Российской-Германской экспедиции // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 3. – С. 104–127.

Молодин В.И., Парцингер Г., Гаркуша Ю.Н., Шнеевайс Й., Гришин А.Е., Новикова О.И., Ефремова Н.С., Марченко Ж.В., Мыльникова Л.Н., Чемякина М.А., Рыбина Е.В. Исследования городища Чича-1 в 2001 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – Т. 7. – С. 382–390.

Молодин В.И., Парцингер Г., Гаркуша Ю.Н., Шнеевайс Й., Гришин А.Е., Новикова О.И., Ефремова Н.С., Чемякина М.А., Мыльникова Л.Н., Васильев С.К., Беккер Г., Фассбиндер Й., Манштейн А.К., Дядьков П.Г. Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи (первые результаты исследования). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – 240 с. – (Материалы по археологии Сибири; вып. 1).

Молодин В.И., Парцингер Г., Гаркуша Ю.Н., Шнеевайс Й., Гришин А.Е., Новикова О.И., Чемякина М.А., Ефремова Н.С., Марченко Ж.В., Овчаренко А.П., Рыбина Е.В., Мыльникова Л.Н., Васильев С.К., Бенеке Н., Манштейн А.К., Дядьков П.Г., Кулик Н.А. Чича – городище

переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – Т. 2. – 336 с. – (Материалы по археологии Сибири; вып. 4).

Молодин В.И., Парцингер Г., Гаркуша Ю.Н., Шнеевайс Й., Новикова О.И., Чемякина М.А., Мыльникова Л.Н., Ефремова Н.С., Гришин А.Е., Марченко Ж.В., Рыбина Е.В. Результаты полевых исследований городища Чича-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы Годовой сессии ИАЭТ СО РАН, 2002 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – Т. 8. – С. 386–395.

Молодин В.И., Чемякина М.А. Поселение Новочекино-3 – памятник эпохи поздней бронзы на севере Барабинской лесостепи // Археология и этнография Южной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1984. – С. 40–62.

Мыльникова Л.Н., Чемякина М.А. Традиции и новации в гончарстве древних племен Барабы (по материалам поселенческого комплекса Омь-1). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – 200 с.

Полеводов А.В. Сузгунская культура в лесостепи Западной Сибири: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2003. – 22 с.

Полосьмак Н.В. К вопросу о нижней дате саргатской культуры // Тез. докл. к регион. конф. «Проблемы археологии и этнографии Сибири». – Иркутск, 1982. – С. 107–108.

Потемкина Т.М., Корочкова О.Н., Стефанов В.И. Лесное Тоболо-Иртышье в конце эпохи бронзы (по материалам Чудской Горы). – М.: Изд-во ПАИМС, 1995. – 208 с.

Хабдулина М.К. Погребальный обряд населения раннего железного века Северного Казахстана (VIII–II вв. до н.э.) // Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 1986. – С. 3–25.

Хабдулина М.К. Степное Приишимье в эпоху раннего железа. – Алматы: Ракурс, 1994. – 170 с.

Членова Н.Л. Памятники конца эпохи бронзы в Западной Сибири. – М.: Пущин. науч. центр РАН, 1997. – 170 с.

Материал поступил в редакцию 06.09.07 г.